

КРЕСТЬЯНСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2005 В.В. Кондрашин

Пензенский государственный педагогический университет

Рассмотрены проблемы, связанные с положением советского крестьянства и состоянием сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны. Обосновано положение об усилении командно-административной системы, ставшей одной из основных причин неэффективности экономической модели колхозного строя

В 2004 году в издательстве “Наука” под грифом Института российской истории РАН и под редакцией академика РАН Г.Н. Севастьянова в рамках ранее запланированной десятитомной серии “История России в XX веке” издана коллективная монография “Война и общество”, в котором подведен итог развития отечественной историографии Великой Отечественной войны за предшествующий период по основным аспектам проблемы. В данной работе раздел о крестьянстве и сельском хозяйстве СССР в годы войны написан автором настоящей статьи и М.А. Вылцаном.¹ Не претендуя на завершенность в изучении указанной темы представляется целесообразным тезисно изложить концептуальные оценки основных ее сюжетов.

Итак, в центре внимания настоящей публикации история советского крестьянства и сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны.

Учитывая современное состояние историографии проблемы и собственные наработки автора, акцентируем внимание на важнейших, на наш взгляд, ее аспектах, среди которых главный – роль колхозной системы в войне. Была ли она фактором силы страны, или наоборот, фактором ее слабости? Кроме того, рассмотрим другой важнейший вопрос – как тяготы войны отразились на жизненном уровне и духовном облике крестьянства?

Накануне войны в 1940 г. из 194,1 млн. человек общей численности населения СССР сельское население составляло 131,0 млн., или 67,5%. В структуре сельского хозяйства господствующее положение занимал социа-

листический сектор. В стране насчитывалось 236,9 тысяч колхозов и 4,2 тысяч совхозов. В колхозах было сосредоточено 18,7 млн. личных дворов.²

Эффективность аграрного сектора экономики страны была крайне низкой. Колхозная экономика находилась в кризисном состоянии, ярким проявлением которого стали продовольственные затруднения в городах и голод в сельской местности в 1940 – 1941 гг. Они явились следствием аграрной политики сталинского руководства проводившейся в тридцатые годы и особенно - мероприятий по борьбе с так называемыми нарушениями Устава сельскохозяйственной артели 1939–1940-го гг.³

Война нанесла новый тяжелый удар по крестьянству. Прежде всего, германская агрессия резко ослабила аграрный потенциал СССР. На территории, подвергшейся оккупации, до войны проживало 40% населения страны (находилось до войны 98 тыс. колхозов (41,7%), 1876 совхозов (44,9%) и 2890 машинно-тракторных станций (41,3%). В руках врага оказались всесоюзные житницы – Украина и Северный Кавказ, центры свеклосеяния и льноводства. На оккупированной территории до войны производилось 38% зерновых, почти половина технических культур, 87% сахарной свеклы, выращивалось 45% поголовья крупного рогатого скота и 60% свиней.⁴

Потеря южных и западных районов страны привела к резкому снижению технической вооруженности сельскохозяйственного производства. До войны там находилось

35% комбайнового и 28% тракторного парка страны, а также значительная часть автотранспорта. Территория, захваченная противником, имела 30% всех энергетических мощностей сельского хозяйства.⁵

Из-за трудностей эвакуации часть сельскохозяйственной техники была разукрупнена, разобрана или уничтожена на местах, значительное количество тракторов и автомашин передано Красной Армии. К концу 1941 г. машинный парк сельского хозяйства уменьшился по сравнению с довоенным уровнем на 242 тыс. тракторов, 61 тыс. комбайнов, 162 тыс. автомашин. Оставшиеся энергетические мощности сельскохозяйственного производства снизились почти на 60%.⁶ На сопоставимой территории Советского Союза (без оккупированных районов) тяговые ресурсы в колхозах и МТС сократились на 32%, численность автомашин уменьшилась на 89%, значительно сократилась рабочая сила в колхозах.⁷

Захват врагом важнейших сельскохозяйственных районов в первые же месяцы войны еще больше ослабил аграрный сектор экономики страны и придал снабжению фронта и тыла продовольствием и сырьем особую остроту. В сложившихся крайне неблагоприятных условиях советское крестьянство должно было перестроиться на военный лад и обеспечивать армию и тыл необходимыми продовольственными и сырьевыми ресурсами.

Известно, сколько горя и страданий принес сталинский режим крестьянству: это и насильственная коллективизация, и ликвидация “кулачества” как класса”, это и проведенная на костях крестьян индустриализация, это и страшный голод в начале 1930-х годов.

Отношение власти к крестьянству как к сырому материалу для осуществления своих “стратегических” планов не изменилось и в годы войны. Снова насилие и нажим на крестьян, снова горы трупов солдат и мирного населения из-за собственных полководческих просчетов, снова голод и т.д.

В годы войны произошло дальнейшее ужесточение командно-административной системы. Вся полнота власти в государстве была сосредоточена в руках Государственного Комитета Оборона, а вернее его председателя – И.В. Сталина. ЦК ВКП(б) по суще-

ству был превращен в политический филиал ГКО, Политбюро, ЦК партии, а точнее его аппарат, полностью поставили под свой контроль деятельность правительства. Абсолютная, ничем не ограниченная власть Сталина приводила к тому, что недостатки и пороки его личности превращались в недостатки и пороки всей государственной системы. Промахи, ошибки и прямые преступления Сталина дорого обошлись советскому народу, многократно увеличили цену Победы.

Главной сутью аграрной политики сталинского режима в суровые военные годы стал командно-административный подход к сельскому хозяйству и крестьянству в целом. Нельзя не согласиться с В.Т. Анисковым, когда он пишет, что в годы войны “был осуществлен строжайший (можно сказать крайний) организационный централизм... Экстремальная обстановка породила экстремальные методы мобилизации всех ресурсов. Но она неслала в себе опасность ослабления, а то и утраты связи вышестоящих партийных органов с партийными массами, быстрого нарастания и без того сильных бюрократических тенденций в партийно-государственном аппарате, их закостенения и превращения в доминирующее начало во всей системе управления, принижения, а затем и полного превращения разветвленной структуры советских, хозяйственных и других общественно-конституционных структур в прямой, лишенный всякой самостоятельности придаток централизованного командного ядра, облеченного неограниченной властью”⁸.

Командно-административный подход к сельскому хозяйству, колхозам и колхозникам ярко проявился в создании чрезвычайных партийных органов в деревне – политических отделов в МТС и совхозах. Решение об их создании было принято 17 ноября 1941 г. за подписью Сталина. “В качестве основной задачей политотделов МТС и совхозов, - указывалось в решении, - считать повышение политической работы как среди рабочих и служащих МТС и совхозов, так и среди членов колхозов, обслуживающих, внедрение дисциплины и порядка во всей работе МТС, совхозов и колхозов для обеспечения своевременного выполнения ими планов с.х. работ.”⁹ Еще одной задачей, поставленной пе-

ред политотделами это “повышать революционную бдительность”, “разоблачать вражеские действия” бывших “кулаков”, репрессированных и прочих “саботажников”¹⁰.

Историк Л.М. Савушкин, ссылаясь на сложные отношения политотделов с райкомами партии, задает вопрос: “Спрашивается, кому нужна была эта чрезвычайщина? Она была нужна всех и вся подозревающему Сталину и его ближайшему окружению для того, чтобы создать атмосферу противоборства...”¹¹.

Подобный взгляд разделяет и Г.Е. Корнилов, который в своей книге об уральской деревне 1941–1945 гг. пишет: “...Чрезвычайные репрессивные методы деятельности политотделов положительного не дали... Шагом к ослаблению “пресса” была их ликвидация в мае 1943 г. по решению ЦК ВКП(б)”¹².

Хотя политотделы и были упразднены, но командно-административный стиль партийно-политической работы в деревне сохранился на весь военный период. Так, в режиме командно-административной системы работали и местные органы государственной власти – сельские Советы. Они из органов народовластия задолго до войны превратились в придаток тоталитарной, административно-командной системы. Председатели Советов были подотчетны не столько своим избирателям, сколько вышестоящему, по преимуществу партийному начальству. Главным в работе сельских Советов было “обеспечение” сельскохозяйственных кампаний, сбор налогов с колхозов и населения. Бесправные в отношении защиты прав населения, председатели сельских Советов – “винтики” огромной государственной машины - имели широкие права в привлечении граждан к судебной ответственности, проведении разного рода репрессий.

Едва ли не главным “достижением” командно-административной системы стало введение для колхозников обязательного минимума выработки трудодней. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. “О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней”, обязательный минимум увеличивался почти в полтора раза. Впервые этот минимум распространялся на подростков 12-16 лет. Согласно постановлению каждый член сельхозартели должен был

ежегодно выработать не менее 100–150 трудодней в зависимости от района вместо 60–80 по условиям 1939 г. Для подростков 12–16 лет обязательный минимум определялся в пределах – не менее 50 трудодней в год. Колхозники, не выработавшие установленного минимума, должны были исключаться из сельхозартели и лишаться приусадебного участка. Их следовало предавать суду и наказывать исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев. Постановление упростило процедуру высылки нерадивых колхозников, которые не хотели довольствоваться выставленными палочками и активно участвовать в общественных работах. Председатели правлений колхозов и бригадиры, которые не предавали суду нарушителей этого постановления сами отдавались под суд.¹³

Органы Прокуратуры взяли под особый контроль выполнение этого постановления, привлекая к судебной ответственности и колхозников и руководителей колхозов, и партийных, и советских работников. Так, в “Справке” начальника отдела общего надзора Прокуратуры СССР П. Кудрявцева от 15 марта 1943 г., направленной в Сельхозотдел ЦК ВКП(б), отмечалось, что произведенной Прокуратурой Союза ССР проверкой в Пензенской, Куйбышевской, Рязанской и Ярославской областях установлены многочисленные факты, когда местные партийные и советские органы “перестали передавать в суд дела на нерадивых колхозников”¹⁴. Например, в колхозах Пензенской области насчитывалось до 17000 трудоспособных колхозников, не выработавших годового минимума трудодней без уважительных причин. В то же время, подавляющее большинство из них не было привлечено к судебной ответственности. Например, в Городищенском районе были осуждены только 6 “нерадивых” колхозников из 94, в Телегинском районе – 47 из 232, в Николо-Пестровском 23 из 180¹⁵.

В целом административно-командная система действовала по принципу – “лучше перегнуть, чем не догнуть”. Так, зам. наркомюста РСФСР Перлов сообщал, что проведенной проверкой выявлено много фактов необоснованного предания суду колхозников за невыработку минимума трудодней и трудоспособного населения городов за уклоне-

ние от мобилизации на сельскохозяйственные работы. Он отметил, что только за пять месяцев 1942 г. (июнь – октябрь) народными судами РСФСР было рассмотрено 151092 дела и невыработке минимума трудодней, из них по 34123 делам (22,6%) уголовное преследование было возбуждено неправильно. За уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы оказалось привлечено необоснованно к ответственности 30,9% к общему числу переданных в суды дел.¹⁶

Приведенные факты не соответствуют кочующим в литературе до самого последнего времени клише и штампам о “массовом трудовом героизме” крестьян, “жертвенном подвиге деревни” в годы войны. Если было вообще воодушевление колхозников, то зачем было вводить обязательный минимум трудодней? В структуре мотивации крестьян к труду, безусловно, было осознание ими неизбежности тягот и лишений, вызванных войной, но, пожалуй, в большей степени – страх наказания за невыполнение своего “долга”, приказа центрального и местного начальства.

Установившийся командный стиль руководства сельским хозяйством наносил большой вред колхозам и трудовым коллективам. Положение усугублял тот факт, что органы “сверху” не только определяли размеры производства, но и сроки проведения всех работ, без учета специфики каждого хозяйства. Война усилила возникшие в ходе коллективизации противоречия: хозяйничали в колхозах государственные и партийные органы, а ответственность за результаты их руководства возлагались на колхозников и председателя в первую очередь.

Неэффективность этого стиля уже тогда была видна многим здравомыслящим работникам. Так, секретарь Алтайского крайкома говорил (в июне 1943 г.): “Мы исписали кучу всяких резолюций, планов, директив. В этих директивах и резолюциях до мельчайших подробностей разрабатывались и давались совершенно конкретные указания, простые и ясные, доступные для проведения в жизнь в любом месте, при любых обстоятельствах... Создавался своеобразный большой шум, возня, сотни людей разъезжали по колхозам, давали установки, указания, советы, но установщики, в которых, кстати говоря, не было не-

достатка, приезжали и уезжали, а порядки в МТС и колхозах оставались прежними”¹⁷.

Одним из стереотипов отечественной историографии является положение об экономической победе колхозного строя в годы войны. В ноябре 1944 г. Сталин, выступая с очередным праздничным докладом в Москве, заявил: “Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреодолимую силу”¹⁸.

Сталинская выдумка о “преимуществах социалистической системы хозяйства”, о “преимуществах колхозного строя”, якобы сыгравших решающую роль в победе советского народа в Великой Отечественной войне, вот уже более пятидесяти лет кочует в исторической литературе из одной работы в другую.

Мощный военно-промышленный комплекс, созданных в годы первых пятилеток, явился вовсе не результатом “преимуществ социализма”, а результатом нещадной эксплуатации народа, крестьянства – в первую очередь. Сталинская экономическая система, с ее тотальным огосударствлением, централизованным, директивным планированием, по существу, бестоварным продуктообменом между городом и деревней, с одной стороны, конечно, позволяла даже при недостатке средств и ресурсов бросать их на решающие участки тех или иных задач. С другой стороны, этой системе были присущи также пороки и недостатки как бесхозяйственность, диспропорции, отсутствие материальной заинтересованности работников в результатах труда и его низкая производительность.

Еще с довоенной поры наиболее слабым звеном экономики было сельское хозяйство, не в последнюю очередь, благодаря “сталинской коллективизации”. В годы войны Сталин брал от колхозов не столько, сколько они могли дать, а столько, сколько требовалось государству.

То, что колхозные тока, амбары и закрома до зернышка вычищались заготовительными органами при поддержке бериевских “органов”, до сих пор многими расценивается как “высокие мобилизационные возможности колхозов”, “как преимущество колхозной системы”. Но и в гражданской войне, при единоличниках, продразверстка обеспечила создание необходимого продовольственного госрезерва.

В годы Отечественной войны на довольствии постоянно находилось 9–11 млн. солдат и офицеров Красной Армии, а на государственном продовольственном обеспечении – до 80,6 млн. гражданского населения. Только для 2-го Белорусского фронта в начале 1945 г., по приблизительным подсчетам, ежедневно требовалось около 2 тыс. голов крупного рогатого скота и много другой продукции.¹⁹

В РГАСПИ нам удалось внимательно просмотреть картотеку протоколов ГКО за 1941–1945 гг. Характерная деталь: среди огромного множества вопросов, рассматривавшихся этим органом, почти полностью отсутствуют вопросы, относящиеся к сельскому хозяйству, а если они и ставились, то почти исключительно в связи со снабжением армии. Так, 30 августа 1942 г. ГКО принимает постановление за № 2226/ов “Об отпуске продовольственных пайков для Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД в сентябре 1942 г.” На сентябрь месяц 1942 г. устанавливалось 9282900 пайков для Красной Армии, 750000 – госпитальных пайков и фуражных пайков – на 922000 лошадей. Подробно расписывалось, сколько продовольственных и госпитальных пайков отпускалось тем или иным фронтам и отдельным армиям.²⁰

О том, насколько остро стоял вопрос со снабжением армии, свидетельствует постановление ГКО–1379 от 3 марта 1942 г. “Об охране военного имущества Красной Армии в военное время”. За хищение (воровство) продовольствия, также как и оружия, боеприпасов, обмундирования, ГКО установил “высшую меру наказания – расстрел с конфискацией всего личного имущества”. За отпуск продовольствия и военного имущества сверх установленных норм виновные подвергались лишению свободы не ниже 5 лет с удержанием стоимости утраченного или испорченного имущества.²¹

В работах, посвященных истории крестьянства в годы войны, указывалось и до сих пор пишется, что сельское хозяйство смогло в основном удовлетворить нужды фронта и тыла. Широко известны следующие цифры: всего за 1941–1944 гг. страна заготовила 4264 млн. пудов хлеба, 184 млн. ц. картофеля, 50,5 млн. ц. мяса, 132 млн. ц. молочной продукции, а также 57 млн. ц. хлопка-сырца, 3,6 млн.

ц. льноволокна, 3,3 млн. ц. шерсти и много другой продукции. Общий расход основных видов продовольствия и фуража на довольствие Советской Армии за годы Великой Отечественной войны составил около 40 млн. т.²² Однако, когда встает вопрос о том, каким образом сельское хозяйство смогло обеспечить данные объемы сельхозпоставок, высказано немало ошибочных точек зрения.

Длительное время положение в сельском хозяйстве в годы войны неоправданно приукрашивалось, вплоть до утверждений, что оно развивалось в этот период по “законам расширенного воспроизводства”. Необоснованность подобной точки зрения впервые была показана в книге Ю.В. Арутюняна “Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны” (М., 1963; 2-е изд. – 1970). На обширной источниковой базе Арутюнян убедительно доказал, что при резком снижении трудовых ресурсов деревни (наиболее дееспособные крестьяне были призваны в армию), сокращении материально-технических ресурсов колхозов и совхозов (старые трактора были также “мобилизованы”, а поставка новых прекратилась) никакого “расширенного воспроизводства” в сельском хозяйстве не было и быть не могло.

Упали все качественные показатели производства: сократились посевные площади, урожайность и валовые сборы сельскохозяйственных культур, уменьшились поголовье скота и его продуктивность.

В военные годы сельское хозяйство страны находилось в тяжелейшем состоянии. О его положении можно судить, например, на основании замечаний зам.наркома земледелия СССР И.А. Бенедиктова по отчету начальника Куйбышевского облзо Флорентьева, датированным 30 февраля 1944 г. Бенедиктовым состояние сельского хозяйства в Куйбышевской области характеризовалось находящимся на грани развала: каждый 8-й колхозник не выработывал минимума трудней, каждая четвертая лошадь падала, каждая 5-я овца дохла, каждый 5-й трактор был неисправным. Он отмечал, что в куйбышевских колхозах не наблюдалось даже простого воспроизводства, а в области шел процесс развала сельского хозяйства. Колхозники вместо работы в колхозах были увлечены

своими приусадебными участками. В целом, по мнению Бенедиктова, колхозный строй разваливался. Причины подобной ситуации виделись им, во первых, в низком уровне механизации, которая катастрофически падала, а во-вторых – в организационной запущенности и распушенности руководящих работников и основной массы колхозников. Выходом из ситуации Бенедиктов видел ужесточение административно-репрессивных мер. “Требовательность должна быть беспощадной” – констатировал он.²³

“Требовательность должна быть беспощадной”, ибо в ней – ключ к пониманию едва не всех основных проблем сельского хозяйства в годы войны, сталинской политики в отношении крестьянства и колхозов. “Беспощадная требовательность”, естественно, прежде всего предъявлялась к колхозам и колхозникам, выполнявшим обязательные госпоставки.

Выполнение госпоставок любой ценой было первостепенной обязанностью колхозов и колхозников. Оно всегда находилось в поле зрения карательных органов государства. Так, в письме помощника Прокурора СССР, начальника отдела общего надзора П. Кудрявцева, направленном 22 июня 1943 г. прокурорам на места, указывалось, что по имеющимся в Прокуратуре Союза СССР сведениям план выполнения обязательных поставок молока государству за 1 квартал 1943 г. выполнен не был. Находился под явной угрозой срыва и план молокопоставок II квартала. По мнению прокуратуры, причиной срыва явилась “антигосударственная практика в колхозах, разбазаривающих молоко на сторону, использование молока на внутриколхозные нужды и хищения молока”. Причем со стороны райпрокуроров наблюдалось либеральное отношение к таким фактам. В связи с этим, местным прокурорам предписывалось принять решительные меры к “усилению борьбы с лицами, саботирующими выполнение гособязательств по молокопоставкам и расхитителями колхозной продукции”²⁴. И меры, естественно, принимались, главным образом, административно-судебного порядка.

К чему приводили подобные методы “обеспечения” государственных заготовок можно судить по спецдонесению Наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия, адресован-

ного 16 декабря 1944 г. Сталину. В нем сообщалось о двух случаях самоубийства председателей колхозов Чкаловской области из-за невыполнения плана хлебозаготовок.²⁵ В первой половине 1943 г. только в Тамбовской области к судебной ответственности преимущественно за срыв хлебопоставок было привлечено 200 председателей колхозов, 150 из них осуждено. Партийным взысканиям не было числа и не каждый мог вынести этот моральный террор.

Дамоклов меч тоталитаризма толкал многих работников сельского хозяйства и заготовительной системы на путь очковтирательства и приписок. Так, Народный комиссар заготовок Союза ССР Б. Двинский 16 ноября 1944 г. направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову записку “О фактах обмана государства и очковтирательства в хлебозаготовках по Днепропетровской области УССР”. В ней сообщалось, что Управляющий Днепропетровской областной конторой Заготзерно Малютин и Уполнаркомзаг по Днепропетровской области Николаенко практиковали незаконную приписку в официальные государственные сводки о количестве заготовленного хлеба. На 5 сентября приписка незаготовленного хлеба составляла 12280 тонн, на 10 сентября – 27301 тонна, на 15 сентября – 13806 тонн, на 20 сентября – 28442 тонны, на 25 сентября – 18960 тонн, на 1 октября – 19612 тонн, на 5 октября – 17371 тонну, на 10 октября 14659 тонн, на 15 октября – 9672 тонны, на 20 октября – 8150 тонн и на 25 октября – 7000 тонн. По отдельным районам, как например, по Царачанскому району приписка составляла 32,9% к годовому плану хлебозаготовок, по Павлодарскому району 12,2%.²⁶

Реакция Сельхозотдела ЦК ВКП(б) на вышеупомянутую записку Б. Двинского была следующей. Заместитель этого отдела А. Козлов направил Маленкову свою “контрзаписку”. В ней указывалось, что по данным Наркомзага на 15 декабря 1944 г. Днепропетровская область заготовила хлеба 34347 тыс. пудов, что составляло 107,9% к плану. “Учитывая это, – писал А. Козлов, – Сельхозотдел ЦК ВКП(б) не поддерживает предложения Наркомзага о снятии с работы тт. Малютин и Николаенко, и в то же время считает необходимым объявить им выговор за антигосударственные ошибки, допущенные при

проведении хлебозаготовок”²⁷. Как говорится, рука руку моет. Пусть будет хоть и мошенник, лишь бы “обеспечивал” 107,9% плана, даже путем приписок.

Говорить об экономической победе колхозного строя, его эффективности, таким образом, нет никаких оснований. Колхозы оказались на грани развала. В производственном отношении они были еще менее эффективны, чем до войны. Качественные показатели колхозного сельского хозяйства (урожайность, продуктивность, животноводство) уступали соответствующим показателям крестьянского хозяйства России в годы первой мировой войны, не говоря уже о капиталистических странах, участвовавших во второй мировой войне, например, Германии.

Об экономической победе колхозного строя нельзя говорить и потому, что колхозы оказались неспособными взять на себя целиком продовольственное обеспечение городского населения. Если бы горожане полагались только на колхозную экономику, то многим из них не удалось бы избежать голодной смерти. Данное обстоятельство хорошо понимало сталинское руководство. Поэтому оно и предоставило городскому населению возможности для развития огородничества и личных подсобных хозяйств.

Так, 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление “О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих”²⁸. Для развития огородничества 19 июня 1943 г. советским правительством было принято решение об освобождении от обложения с/х. налогом доходов рабочих и служащих, получаемых ими с коллективных и индивидуальных огородов. 19 февраля 1944 г. Совнарком СССР принял постановление “О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 году”²⁹. По расчетам У.Г. Чернявского, в индивидуальном и коллективном огородничестве в 1942 г. участвовала одна треть городского населения, в 1943 г. – две пятых, а в 1944 г. – 50%.³⁰ Вклад подсобных хозяйств в продовольственный баланс страны был весьма существенным. Так, в 1945 г. их продукция в общих ресурсах, поступивших на снабжение рабочих и служа-

щих предприятий, составляла в 1945 г.: картофеля – 38%, овощей – 59%.³¹

Развитие огородничества безусловно смягчило остроту продовольственной проблемы, но если бы не было продовольственных поставок из США, Канады, Австралии, то “Царь–голод” несомненно выступил бы мощным союзником немцев в войне. Помощь Советскому Союзу продовольствием по ленд-лизу в советской исторической литературе длительное время преуменьшалась в угоду сталинской легенде об “экономической победе колхозного строя”. Между тем, А.И. Микоян, ведавший в ГКО вопросами продовольственного обеспечения страны, в беседе с профессором Г.А. Куманевым, так оценил значение американской тушенки: “Какие сразу весомые калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепало и тылу”³².

Впрочем, тылу “перепало” явно недостаточно. Что касается крестьянства, вынесшего на своих плечах основную тяжесть военных лишений и испытаний, то голода в целом ряде районов страны оно не избежало.

Война оказала большое влияние на все стороны развития крестьянства, и прежде всего, на его численность и состав, уровень жизни.

Массовые мобилизации сельского населения и оккупация западных областей более чем вдвое сократили число трудоспособных работников в колхозном производстве. Так, уже в первый год войны в колхозах тыловых районов в связи с призывом в армию численность трудоспособных мужчин уменьшилась почти на 3 млн., в следующий год еще на 2,3 млн., а затем на 1,3 млн.³³ Многие из солдат погибли. Многие возвращались домой инвалидами.

К концу войны всего работающих в колхозах тыловых районов стало на 28% меньше. Численность подростков, престарелых и больных мало изменилась. Численность трудоспособных уменьшилась на 37,2%, а мужчин – на 68,1%, их осталось только 31,9%, а в 1943 г. было всего лишь 27,0%. Женщины в общей численности трудоспособных составляли 79,5%.³⁴

В целом, за четыре года войны крестьянское население уменьшилось на 13,9 млн. человек, или на 18%. Если в тыловых районах оно составляло в 1941 г. 24,4 млн., то к 1945 г. сократилось до 17,3 млн. В среднем

за каждый год войны деревня выделяла для армии и промышленности почти 10% трудоспособных крестьян.³⁵

Основная тяжесть работ и забот легла на плечи женщин, подростков и стариков, и в первую очередь женщин. Так, в 1943 г. из 20 млн. колхозников тыловых районов трудоспособные женщины составляли около 10 млн., подростки – 4, нетрудоспособные и больные – 2,3, трудоспособные мужчины – 3,6 млн. человек.³⁶ Женщина не только хранила семейный очаг, она встала за плуг, села на трактор. За годы Отечественной войны было подготовлено механизаторских кадров более 2 млн. человек, из них 1,5 млн. женщин.³⁷ В сельской местности женщина стала таким же полнокровным кормильцем семьи, как и мужчина. Она заняла центральное место среди производственных кадров колхозов, нередко ночевала на работе, а после напряженного дня при свете керосиновой лампы вязала теплые вещи бойцам.

Ослабление экономики колхозов отразилось на материальном положении крестьянства. В условиях войны, как и в мирное время, оно определялось двумя главными факторами: состоянием общественного производства колхозов и доходами от личного хозяйства крестьян.

На государственное снабжение население деревни не принималось. Централизованные фонды хлеба и некоторых других продовольственных товаров в весьма скромных размерах выделялись только для сельской интеллигенции (учителей, медицинских работников, агрономов, зоотехников и др.), а также для инвалидов Отечественной войны и эвакуированных граждан.

В колхозах по-прежнему действовал остаточный принцип оплаты трудодней. По существу вся производимая колхозами продукция за вычетом производственных нужд, уходила в закрома государства по госпоставкам. Остаточный принцип приводил к тому, что в период войны удельный вес распределяемых по трудодням доходов резко уменьшился.

О размерах получаемой из колхоза продукции говорит оплата по трудодням на душу населения из расчета на один день. В среднем, как пишет Ю.В. Арутюнян, крестьянин в годы войны получал «меньше 200 г зерна и

около 100 г картофеля в день – это стакан зерна и одна картофелина». Кроме того, выдавалось немного овощей, а мясо, масло, молоко практически не распределялось, если не считать расходов на общественное питание.³⁸ Денежная оплата в условиях военной инфляции имела символическое значение.

Исключение составляли механизаторы, труд которых по-прежнему оплачивался согласно гарантированному минимуму (2,5 руб. за трудодень и 3 кг. зерна). Однако в связи со снижением фактической выработки новым пополнением из женщин и подростков происходило уменьшение среднегодовой денежной оплаты основных категорий работников совхозов. Среднемесячная заработная плата механизаторов и животноводов в системе Наркомата совхозов СССР за все военные годы, по данным И.Е. Зеленина, составляла: у трактористов – от 200 до 270 руб., комбайнеров – от 280 до 356, шоферов – 320–330, рабочих животноводческих профессий – около 200 руб. Размеры ставок, по сравнению с рыночными ценами, были невелики. Например, на базарах Уфы 4 февраля 1943 г. 1 кг. говядины стоил 250 руб.³⁹

Основную часть продовольствия крестьяне получали от личных хозяйств. Личное подсобное хозяйство стало основным источником их жизнеобеспечения. Оно в среднем на 85–90% восполняло недостачу продуктов в общественном производстве.

За годы войны личное подсобное хозяйство несколько расширилось. Так, если в 1940 г. в РСФСР на 100 колхозных дворов приходилось 95 голов крупного рогатого скота, то в 1945 г. их стало 104. По Союзу ССР в 1940 г. на один колхозный двор приходилось 0,24 га посевов, а в 1945 г. – 0,28. Основную площадь сельчане отводили под картофель и овощи. Приусадебный участок давал в 10–20 раз больше продукции, чем колхоз на трудодни. И можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство крестьянских семей спаслись от голодной смерти только благодаря приусадебному хозяйству.

Хорошо поставленные личные подсобные хозяйства крестьян не только снабжали овощами, картофелем, частично зерном семью крестьянина, но и приносили доход, особенно если в хозяйстве имелись пчелы. Первым

инициатором сбора средств на оплату самолетов и танков для Советской Армии стал колхозник-пчеловод Саратовской области Ф.П. Головатый, подаривший государству 200 тыс. рублей, накопленных от продажи меда.⁴⁰

Развитие личных подсобных хозяйств колхозников в военный период породило у историков ложный тезис об укреплении колхозов в годы войны. Основанием его стал факт роста денежных доходов сельского населения и увеличившиеся денежные обороты колхозных рынков в 1942–1944 гг.

Формально это так. Денежные обороты колхозных рынков страны (без внутридеревенской торговли) за 1943 г. оценивались в 178,9 млрд. руб., а в 1944 г. – 197,1 млрд. против 28 млрд. руб. в 1940 г., т.е. превысили его в 6–7 раз. Доходы личного хозяйства от продажи на базаре в 1944 г. возросли более чем вдвое по сравнению с 1940 г. Но это только видимость благополучия.

В действительности рост денежных оборотов колхозных рынков ни в коей мере не соответствовал их физическому объему. Количество сельхозпродуктов, реализуемых деревней, значительно уменьшилось: например, в первой половине 1942 г. – в 2,5–3 раза, по сравнению с довоенным уровнем. В ценах 1940 г. обороты продаж колхозных рынков в целом на протяжении военных лет, как правило, не превышали 50–55% довоенного оборота, а в отдельные годы были значительно ниже (первое полугодие 1943 г. и 1944 г. – 30–40%).⁴¹ И только резкое усиление налогового пресса заставило колхозы и колхозников увеличивать размеры продаж на базарах. Часто недоедая, они продавали продукцию со своих участков, чтобы уплатить налоги и подписаться на госзаймы.

В годы войны резко усилился налоговый пресс государства. Из деревни выкачивалось все, что можно было взять, не считаясь при этом с интересами крестьян. Помимо денежного сельскохозяйственного налога (его размеры в 1943 г. были увеличены) крестьянский двор облагался натуральным гос.налогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и др. Норма сдачи (за символическую оплату) мяса определялась в пределах – 40–60 кг. и молока 100–280 кг. Поставки взимались независимо от наличия ско-

та и птицы. Если колхозник не держал животных, он обязан был любыми путями приобрести эти продукты (купить на рынке, занять, заработать и т.д.) и сдать государству.⁴²

С 1942 г. был введен военный налог, распространявшийся на городское и сельское население. По нему за годы войны в государственный бюджет поступило 72,1 млрд. рублей. За 1942–1945 гг. было выпущено четыре военных займа, подписка на которые составляла 89,7 млрд. рублей.⁴³

В целом за годы войны доля налогового обложения сельского населения увеличилась в 5 раз, а в расчете на один колхозный двор, не имевший льгот – в 6 раз. Эти каналы дали госбюджету млрд. руб.: 1940 г. – 20,9; в 1941 г. – 23,4; в 1942 г. – 44,5; в 1943 г. – 62,2; в 1944 г. – 79,0; в 1945 г. – 82,2. Помимо этого, в военные годы колхозы и колхозники отдавали государству значительно большую, чем до войны, часть своей продукции как в форме поставок и натуроплаты МТС. Цены, по которым государство “закупало” сельскохозяйственную продукцию по этим поставкам, были символическими.⁴⁴

Закономерным следствием усиления налогового пресса государства и проводившейся в отношении колхозов и крестьянских хозяйств политики государственных заготовок сельхозпродукции стало ухудшение материального положения сельчан. Так, личное потребление колхозниками снизилось в 1943 г. по сравнению с 1939 г. по хлебопродуктам на 35%, по мясу и салу – на 66%. По картофелю оно повысилось на 100%, по овощам – на 24%. Лишь потребление молочных продуктов в деревне осталось на том же уровне.⁴⁵

Острая нехватка продовольствия ощущалась в большинстве районов страны. Нередко колхозники умирали от голода, болезней, связанных с недоеданием. Например, в 1942–1943 гг. продовольственные затруднения, перерастающие в голод, охватили отдельные районы Читинской, Челябинской и Вологодской, Томской областей, где старики и женщины пухли от голода. В докладной записке Свердловскому обкому партии отмечалось, что проведенное в мае 1943 г. обследование колхоза имени В.И. Ленина Красногорского сельсовета показало тяжелейшее положение большинства семей. У многих крестьян были

голодные отеки. Люди ели лепешки из мякины, в кашу добавляли траву и кору.⁴⁶

Тяжелое положение сложилось в 1944 г. в Свердловской, Горьковской областях, Чувашской, Мордовской и Татарской АССР, Казахской ССР. В начале 1945 г. голод охватил сельские районы Узбекской ССР, Кабардинской и Бурят-Монгольской АССР.

Так, нарком внутренних дел Казахской ССР Богданов 8 апреля 1944 г. докладывал Берии о продовольственных затруднениях, вызванных неурожаем 1943 г., охватившим районы республики. Органами НКВД было выявлено свыше тысячи семейств военнослужащих и колхозников, численностью до 4-х тысяч человек, нуждающихся в неотложной помощи, истощенных и опухших на почве голода. В четырех областях Казахстана было зарегистрировано 118 смертельных случаев от голода.

25 июля 1944 г. Берия в докладной записке Сталину, Молотову и другим руководителям государства проинформировал их о голоде в Татарской АССР, где на его почве имели место случаи употребления в пищу падали. В связи с продовольственными затруднениями в республике было два случая детоубийства и один случай самоубийства. Имели место массовые кражи продовольствия из погребов и овощей с огородов, вплоть до кражи листьев еще не поспевшей капусты. Значительное число краж совершалось на почве продовольственных затруднений, в том числе членов семей фронтовиков. Хищения вызывало озлобление у потерпевших, которое в ряде случаев принимало форму самосуда со смертельным исходом.⁴⁷

Через год такая же картина повторилась, но уже в других республиках. 17 апреля 1945 г. Берия докладывал Сталину, Молотову, Маленкову о голоде в Узбекской, Кабардинской и Бурят-Монгольской АССР, где в связи с неурожайностью в 1944 г., а также неудовлетворительным завозом хлебопродуктов, население ряда районов испытывало «острую нужду в продуктах питания и имеются случаи смертности от истощения». Например, в Узбекской ССР за 1 квартал 1945 г. зафиксировано 119 случаев смертности от истощения.⁴⁸ Из-за отсутствия продовольствия население питалось корнями трав. В течение

февраля–марта 1945 г. в Кяхтинском и Кударинском аймаках, Бурят-Монгольской АССР от алиментарной дистрофии умерло 35 человек. Произведенным Наркомздравом БМАССР было выявлено 3200 человек, пораженных алиментарной дистрофией. Были выявлены факты употребления некоторыми колхозниками на почве голода мяса павших животных и собак. Органами НКВД указывалось, что продовольственные трудности наблюдались в селениях, где «колхозники на трудодни почти ничего не получали».

География «военного» голода была достаточно широка и охватывала самые различные в природно-климатическом отношении районы. Одной из важных причин голода были неблагоприятные погодные условия разных регионов в 1943 и 1944 гг. Сказывалось крайнее ослабление материально-технической базы сельского хозяйства, слабая экономика колхозов. В семьях фронтовиков, оставшихся без «кормильцев», по существу некому было заниматься и личным хозяйством, разного рода промыслами. Конечно же одна из причин голода заключалась в политике властей, постоянно перегибавших палку по части «заготовок» сельхозпродуктов в колхозах и не умевших, или не желавших вовремя прийти на помощь голодающим. При всем этом, «военный» голод было бы неправомерно ставить на одну доску с голодоморами 1921, 1932–1933, 1946–1947 гг., когда число голодающих и жертв голода исчислялось миллионами. «Военный» голод вернее было бы отнести к ряду локальных, что, впрочем, ни в коей мере не уменьшает его трагизма.

Во многом ответственность за голод ложится на верховное руководство и лично Сталина. Не случайно информацию о голоде они получали от органов НКВД–МВД, а не от органов здравоохранения, снабжения, заготовок и других органов, казалось бы призванных быть в курсе уровня жизни народа. Изначально у Сталина отношение к правде о бедственном положении народа было как к чему-то «контрреволюционному», попадающему в компетенцию органов государственной безопасности. Если бы из «военного голода» не делалось «военной тайны», если бы тот же Сталин поведал Рузвельту и Черчиллю о голоде среди советских крестьян, обра-

тился к широкой общественности Запада, то, наверняка, продовольственная помощь союзников была бы более широкой и голод можно было смягчить.

Смертельная опасность, нависшая над страной, отодвинула на задний план противоречия между крестьянством и сталинским диктаторским режимом. В подавляющей своей массе крестьянство, как и весь народ, действительно сплотилось в годы войны вокруг верховного руководства. В этом не было ничего необычного, так как в условиях внешней опасности социальная база любых режимов, как правило, расширяется.

Крестьянство стало главным и самым многочисленным источником пополнения вооруженных сил. В войну почти не было такой колхозной семьи, которая не направила бы на фронт отца, сына или внука, а часть и по два, три и более воинов. Ведь армия по своему составу была в основном крестьянской. Более 60% численности армии в военное время составляли жители села. В целом по стране число ушедших в армию колхозников за годы войны составило не менее 10 млн. человек.⁴⁹

Размышляя о судьбах российского крестьянства, нельзя не задуматься над следующим вопросом: почему крестьянство, понесшее столько обид и притеснений от сталинского режима, в подавляющей своей массе встало на защиту своей Родины, Советского государства в годы Великой Отечественной войны, проявив подлинное самопожертвование и на фронте, и в тылу? Что это - одно из проявлений русской “загадочной души”, о которой так любят писать западные литераторы? Или здесь заложены какие-то иные причины?

Ответ на поставленный выше вопрос, думается, не так уж сложен: истинная причина – в патриотизме русского человека.

Крестьяне, безусловно, свою Родину, Отечество, свою страну не выбирали и не оставляли. На протяжении веков они срослись с ее землей в единое целое. Воспринимали ее такой, какой она была и в радости, и в горе, в счастье и несчастье, с ее долгими холодными зимами и коротким не всегда теплым летом, с ее царями и большевистскими вождями.

Дорогой ценой было заплачено за Побе-

ду. Примерно 27 млн. человек потеряла наша страна во второй мировой войне. По приблизительным подсчетам, более 60% погибших составляли крестьяне–солдаты и мирное сельское население.⁵⁰

Опыт российской истории учит, что все-народная война 1941–1945 гг. против фашистов увенчалась закономерной победой. Огромную роль в ней сыграло крестьянство, вынесшее на своих плечах непомерную тяжесть, страшной ценой заплатившее за великую Победу, национальную независимость Российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ См.: Война и общество, 1941 – 1945: В 2-х кн. /Отв. ред. Г.Н. Севастьянов; Ин-т российской истории. – М.: Наука, 2004. - Книга 2. – С. 50–77.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 373; *Понов В.П.* Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3–8.

³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 16. Д. 1033. Л. 4 – 5, 14; Оп. 25. Д. 1487. Л. 4; Оп. 27. Д. 1587. Л. 1; Ф. 7971. Оп. 16. Д. 69. Л. 17, 18; Д. 76. Л. 108, 112, 124 и др.; Ф. 8040. Оп. 1. Д. 348. Л. 21; История советского крестьянства. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). М., 1987. Т. 3. С. 21, 24, 26–28, 36–37; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. Суровые испытания. М., 1998. С. 74; *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 245; *Осокина Е.А.* За фасадом “сталинского изобилия”: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 206–207, 210, 219, 220.

⁴ История советского крестьянства. Т. 3. С. 147; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1963. С. 166.

⁵ История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 369.

⁶ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. С. 415.

- ⁷ Бенедиктов И. Сила и жизнённость колхозного строя // Социалистическое сельское хозяйство. 1945. № 10. С. 7.
- ⁸ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993. С. 197–198.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 149. Л. 71.
- ¹⁰ Анисков В.Т. Указ. соч. С. 202.
- ¹¹ Савушкин Л.М. Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941–1945. Воронеж, 1990. С. 159.
- ¹² Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Свердловск, 1990. С. 121, 137.
- ¹³ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 310–311; Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.). С. 8.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 138. Л. 24.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 28.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 50. Л. 35–36.
- ¹⁸ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 144.
- ¹⁹ Всемирно-историческая победа советского народа. 1941–1945. М., 1971. С. 306, 343; Годы великой битвы. М., 1958. С. 135; Зинич М.С. Будни военного лихолетья 1941–1945. Выпуск 1. М., 1994. С. 20.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 54. Л. 87, 88.
- ²¹ Там же. Д. 23. Л. 51, 52.
- ²² История советского крестьянства. Т. 3. С. 248–249.
- ²³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3630. Л. 67, 68.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 20. Д. 68. Л. 46.
- ²⁵ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 157–161.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 220. Л. 59.
- ²⁷ Там же. Л. 61.
- ²⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 65.
- ²⁹ Зинич М.С. Указ соч. С. 87–89.
- ³⁰ Чернявский У.Г. Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964. С. 142.
- ³¹ Зинич М.С. Указ. соч. С. 82–83; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 387.
- ³² Совершенно секретно. 1991. № 11(30). С. 25.
- ³³ Никонов А.А. Указ. соч. С. 261.
- ³⁴ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 75.
- ³⁵ История советского крестьянства. Т. 3. С. 346.
- ³⁶ Новейшая история Отечества. XX век. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 178.
- ³⁷ Никонов А.А. Указ. соч. С. 261.
- ³⁸ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 341.
- ³⁹ Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941–1950. М., 1969. С. 45; Зинич М.С. Указ. соч. С. 62–63.
- ⁴⁰ Никонов А.А. Указ. соч. С. 265.
- ⁴¹ Корнилов Г.Е. Колхозы и колхозная торговля на Урале в условиях Великой Отечественной войны // Аграрный рынок в историческом развитии: Сб. научн. тр. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С. 267.
- ⁴² Никонов А.А. Указ. соч. С. 264.
- ⁴³ Новейшая история России. XX век. Т. 2. С. 178.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Зинич М.С. Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁶ Там же. С. 25.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 30, 34, 83.
- ⁴⁸ Там же. Д. 95. Л. 58.
- ⁴⁹ История советского крестьянства. Т. 3. С. 225.
- ⁵⁰ Там же. С. 237.

AGRICULTURE AND PEASANTRY IN THE USSR OF THE GREAT PATRIOTIC WAR PERIOD

© 2005 V.V. Kondrashin

Penza State Pedagogical University

The article covers the problem of the Soviet agriculture and peasantry of the G.P.W. period. The author defines an ineffectiveness of the collective farm model as a consequence of the command-administrative system.